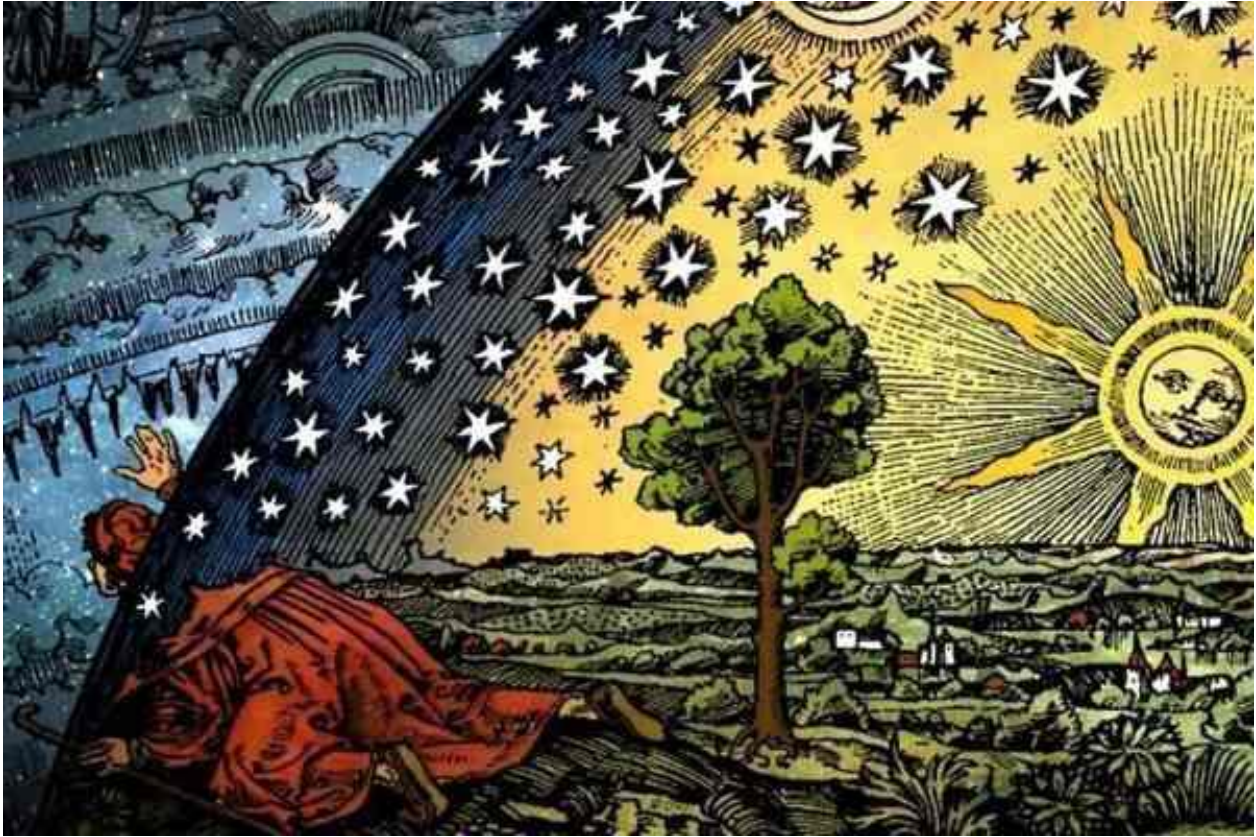

ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ КАК ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ

Метаморфозы цивилизационного транзита¹

Есть две достаточно разные, но сопряженные вселенные: физическая и антропологическая, объединенные единой «большой историей». Каждую из них можно подразделить на парные ипостаси: природный космос необъятных размеров и микромир с собственными законами. Так же и социальный космос состоит из миллиардов персональных, подчас весьма странных миров. Все эти аспекты бытия взаимосвязаны непростым образом, представляя единую комплексную систему. Человеческая вселенная, зародившись, перманентно расширяется – территориально, численно, виртуально, прокладывая маршрут истории.

Эволюционный марафон

Мир людей – вселенная с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики. В ту или иную эпоху, в том или ином регионе нас объединяет *организация сознания* (координаты бытия) и *социальная ментальность* – «то общее, что есть у Цезаря и последнего солдата его легионов, у Людовика Святого и крестьянина его домена, у Колумба и матроса на его каравеллах» (Jacques Le Goff).² Но возникают исключения, зарождается социокультурная эксцентричность. Изменение ментальности, предопределяющей социальные нормы и политический порядок, предшествует модификации общества и смене мироустройства.

¹ Статья написана на основе доклада «Постсовременность как постколониальность: метаморфозы цивилизационного транзита» на пленарном заседании X юбилейного Южно-российского политологического Конвента «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты» (Южный федеральный ун-тет, 27–31.10 2020, Ростов-на-Дону).

² Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М.: Прогресс-Академия. 1992. 376 с.

История – эволюционный марафон. Большой транзит цивилизации можно, с определенной мерой условности, свести к трем эстафетам: предшествующее (*ante*), современное (*mode*), грядущее (*post*), перемежающимся чересполосицей пробежек – «химерических средневековых». Развитие по-разному проявляется в различных ареалах, одни персонажи универсального театра действий стремятся завоевывать, другие обустройства, третьи – преодолевать.

Доминантой целеполагания политических субъектов даже в не столь уж отдаленном прошлом было *пространственное развитие*: строительство империй, морских или континентальных – им свойственны геополитические ориентиры. Современность больше тяготеет к освоению и эксплуатации *времени*, колонизации нереализованных, но реализуемых с той или иной степенью вероятности состояний – борьбе за будущее. Постсовременность же представляется динамичным калейдоскопом: склонным к самоорганизации трансграничным сообществом – мозаичным миром с *мультиплицированной суверенностью*.

Социальная ментальность, однако же, инертна, она сопротивляется синкопам перемен. Ее генезис хорошо описывает история про обливаемых водой шимпанзе, пафос которой – демонстрация силы и цепкости ритуальной «вирусизации» сознания. История эта упомянута в изданной Гарвардской школой бизнеса книге Гари Хамеля и Коимбатори Кришны Праалада (*Gary Hamel, C.K. Prahalad*) «Состязание в погоне за будущим». ³ Оставляя в стороне вопрос о нечеткой атрибуции эксперимента, его логика многое говорит о наследовании шаблонов поведения и установок ума, если и не в популяции обезьян, то в человеческом обществе

Фабула описываемого эксперимента, примерно такова. К потолку помещения, где находятся пять шимпанзе, привязывается связка бананов, рядом устанавливается лестница. Однако при попытке какой-либо из обезьян подобраться к бананам всех обливают ледяной водой. Ситуация повторяется, после чего, если кто-то из подопытных особей все же пытается достать банан, другие удерживают ее силой. Затем одну из обезьян заменяют на новую, которая естественно устремляется к лестнице, но остальные, следуя сложившейся практике, останавливают ее. При замене еще одной обезьяны, первая сухая, не имевшая негативного опыта с ледяной водой, тем не менее, действует совместно с коллективом. Новые особи быстро «стареют». В результате после замены всех мокрых на сухих, обезьяны продолжают вести себя согласно стереотипу поведения, ставшему ритуалом, переходящим в традицию.

В людском общежитии прерывание безвременья носит взрывной характер. Инерция быта и блокада будущего нарушаются критическими событиями: приходящими извне спонтанными катаклизмами либо целеустремленными героическими усилиями «звезд в ночи». Для транзита – расширяющейся воронки перемен, характерны и естественны уход от ставшего привычным самоотчуждения, стохастическая суэта, хаотизация прежней и генезис новой организации. Эволюционный лифт приходит в движение.

Постсовременность как постколониальность

Выборы в США – драматичная сценография на подмостках цивилизационного портала. Электоральные пертурбации сфокусировали неочевидные аспекты универсальной постколониальности, сместив заодно акценты в историографии и политике прошлого столетия.

XX век – время перехода от многовекового пространственного развития (завершившегося глобализацией – «эффективной оккупацией» планеты современной цивилизацией) к краху имперских грез; затем на обломках имперских просторностей были пережиты апофеоз и кризис национальной идеи. Распад континентальных и морских империй, равно как этатистский *tour de force* политических инженеров (с тем или иным

³ Hamel G., Prahalad C. *Competing for the Future*. Boston: Harvard Business School Press, 1994, 327 p.

идеологическим наполнителем) сопровождались демонтажем сословных перегородок, гендерной эмансипацией, социальной демократизацией, либерализацией общественных норм, связей, торговли, контркультурным переворотом, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций... И далее – новым изданием «весны народов», но уже в иной социокультурной среде, обернувшись возвратной волной культур-демографической экспансии постколониального мира.

Прошлая колонизация земного универсума замещается версиями его мультикультурной реконфигурации. Картография антропологического космоса все больше расходится с географической ее интерпретацией, опознавая и эксплицируя сложные связи – смесь символизма и случайностей, распаковывая диахронные, вероятностные конструкторы. Человечество переживает социокультурный переворот, реализуя новую, динамичную формулу политических координат, полагая мир коэволюционной интеракцией людей и народов, а не властной комбинаторикой государств. Историческое преимущество оказывается у субъектов перемен и агентуры эволюции.

Сложный мир Постмодерна, опровергающий Современность с ее постулатами секулярности, социального гуманизма и организационной силой науки, истолкованной как прогресс – иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и факториал взаимоотношений. Превышение некой их суммы порождает цивилизационную трансгрессию, а прежнее мироустройство расплывается словно лоскутная химера. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это глобальное поле с перманентно генерируемыми и разбегающимися сюжетами.

Постсовременность может быть охарактеризована как своего рода вселенская постколониальность – транзитный коридор к самостийному обществу, реализующему потенциал самоорганизации систем и возможности сложноорганизованных индивидов. Постколониальность же в постсовременном изводе прочитывается симпатизантами как устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный поиск, героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. Нация мыслится как сообщество – симбиотический проект энтузиастов и провокаторов («синий сдвиг»), патриотизм же в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (e.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), т.е. как историческая близорукость, не замечающая свой «мене, текел, упарсим» – аналогий с участью сельской общины и трайбализма в эпоху Модернити.

Реорганизация строя, атакуемого с различных позиций, смещает социальный горизонт и расширяет политический кругозор. Постсовременное средневековье рождает протееобразных субъектов – смешение мирного и немирного сосуществования наследства эпох и экспериментальных организмов. Композиция взаимно контаминируемого мироустройства – конкурирующих концепций и воплощаемых моделей земного бытия, явно сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Присутствие в атласе постмодерна как колониальности, так и постколониальности, включая вкрапления парадоксов и притязаний контркультурной гегемонии, усложняет топографию гибридного мира, обнаруживая невидимые до поры препоны и проблемы.

Цивилизационный переучет

Мир расстается со своим цивилизационным статусом и привычными организационными формами: мы обитаем в ускоряющемся потоке перемен. Сегодня концепту глобализации как «финалу истории» – социальной и экономической связности современности, противопоставлен взгляд на универсальную перестройку как системный кризис государственных, идео-партийных, административных институтов, прочих бюрократических механизмов. Власть ускользает от этатистских структур, складывается иное представление о политической субъектности, происходят замещение субординативности субсидиарностью и приватизация мировых связей.

Глобализация создала общую оболочку для расширения практики и персонализации коммуникаций, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует сумму анклавов, служащих порталами для иной цивилизационной организации, отрицающей прежнее устройство антропологической вселенной, повышая градус неопределенности в траекториях футур-истории.

Геополитика либо служит экономике и социокультурному развитию, либо закапывает национальные ресурсы в землю. Территориальная экспансия стран замещается освоением зыбких и многомерных пространств – «эффективной оккупацией будущего». Цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным владением земными территориями, их политическим, административным обустройством, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на инфраструктурное доминирование, организацию хозяйственной и контроль финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление маршрутами транспортировки и транзакций, правами доступа и благоприятствования, режимами преференций и санкций. А создание и свободное использование технологий оказывается важнее обладания произведенными продуктами. При этом интенсивность синергичных коммуникаций – результативное «соседство», преобладает над непосредственной территориальной близостью.

Возрастет роль геокультуры, учитывающей зоны культурных разломов, удельный вес социокультурного капитала, влияние информации, генезис смысловых и ценностных нео-наций (когда не границы диктуют идентичность, но идентичность определяет солидарность), выделяя центры гравитации, экспортирующие, транслируя на иные социальные языки, принципы, стиль, политические и этические стандарты. Сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и творческой деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими последствиями.

Повышается значение геоантропологии, фиксирующей изменения в картографии человеческих активов, их потенциал, генетическое и прочее разнообразие, становление новых идентичностей, пути и динамику антропоток, перераспределяющих население планеты. Сфера практики пронизывается вирулентной генерацией людей-предприятий (*menterprisers*), их экзотичными, радиантными и радикальными стартапами, новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов, популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Привычные типы государственности, коммуницируя и конкурируя с этой полифоничной средой, преобразуются и поглощаются обществом. Перемены же, предопределенные множественной трансграничной суверенностью, высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления. Национальная государственность, испытывая кризис идентичности, утрачивает былые позиции и провоцирует собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация, финансы, компетенции – глобальны).

Углубляется кризис системы международных отношений, транснациональной бюрократии и сопряженных с ней институтов; формируется многоуровневый мир сетевых связей, включая присутствие антропо-социальных корпораций, других комплексных субъектов, влиятельных лоббистов и неформальных акторов. Предчувствуя и переживая институциональную хаотизацию, уходящие в прошлое политические организмы пробуждают встречный ветер национализма (ср. «красный мираж»). Столкновение шквала трансформаций и вихрей сопротивления потоку перемен преобразует привычный миропорядок в среду социальной турбулентности.

Отрицая прежнее мироустройство, постсовременность воспроизводит в планетарном масштабе черты и подобие постколониальной симуляции, что заставляет пристальнее взглянуть в проблематику стран, усвоивших криптографию самоопределения, обретая тяготы, призывы и печали суверенности в различных версиях ее становления.